

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Прусова Ирина Сергеевна

**Влияние напоминания о смерти на представления об идеальном
государстве в странах постсоветского пространства**

Резюме

диссертации на соискание ученой степени

кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук, профессор
Гулевич Ольга Александровна

Москва 2022

Введение

Глобальное потепление, пандемии, массовые убийства, террористические акты, военные действия в качестве повестки, с которой мы сталкиваемся в повседневной жизни, может вызывать ряд последствий, среди которых актуализация страха смерти (Pereira, Medeiros, Bertholini, 2020; Pyszczynski et al., 2021). Напоминание о смерти может приводить как к адаптивным способам снижения «парализующего» страха в виде формирования значимых отношений или символического «наследия», так и неадаптивным – в виде избегания представленной повестки или ощущения «бессмысленности» жизни (Menzies, 2012). На политической арене напоминание о смерти играет значительную роль в представленности политических взглядов и предпочтений относительно желательного устройства общества (Burke, Kosloff, Landau, 2013; Crowson, 2009a; Feldman, Johnston, 2014; Kosloff, Landau, Burke, 2016; Schoen, Schumann, 2007).

В психологии при изучении политических предпочтений исследователи обращаются к политическим идеологиям. Под политическими идеологиями понимается совокупность аттитюдов, верований и ценностей, которые определяют предполагаемое устройство общества и средства для его достижения (Jost, Federico, Napier, 2009). В этом случае особый интерес представляет изучение обыденных представлений граждан, что может находить выражение в поддержке «идеологически» противоречивых позиций (Knight, 2006). Во избежание разной интерпретации понятия «идеологии», которое также активно используется и в политологии, в настоящей работе при анализе международной перспективы рассматривается категория «политические представления», при изучении постсоветского пространства, как нерепрезентативного контекста, фокус сделан на «представления об идеальном государстве». Во всех рассматриваемых случаях особый интерес представляют обыденные представления граждан относительно желательного устройства общества (Отчет по проекту «Идеальная Россия. Представь!», 2018).

Большинство исследований, посвященных изучению роли страха смерти в политических представлениях, были представлены в североамериканском

контексте (Burke et al., 2013; Landau et al., 2004). В данном случае исследователи обращаются к категории политических ориентаций «консерватизма/либерализма», которые рассматриваются как набор аттитюдов относительно предпочтительного устройства государства и общества (Jost et al., 2009). Например, консерватизм определяется через поддержку традиционных ценностей, дискриминации, патриотизма, милитаристской политики и свободной экономики. В то время как либерализм - через предпочтение патернализма со стороны государства в экономических вопросах, равенства, социальной справедливости и толерантного отношения к другим социальным группам (Everett, 2013). Учитывая специфику «социальной» и «экономической» сфер, психологические исследования показывают, что люди могут демонстрировать разные политические представления в зависимости от контекста - поддерживать консервативные установки в вопросах социальной политики, но либеральные - в вопросах экономики (Jost, 2006).

Отсутствие согласованности в зависимости от сферы общественной жизни, позволили рассматривать политические представления в качестве многомерного конструкта (Duckitt et al., 2002; Jost et al., 2003). В исторической перспективе такой подход находит выражение в работах Дж. Даккитта (2002), который предложил разные мотивационные основания для социального (правый авторитаризм) и экономического (ориентация на социальное доминирование) измерений (Altemeyer, 1998; Duckitt et al., 2002; Pratto et al., 1994). Впоследствии, при определении политического консерватизма, Дж. Джост и коллеги (2003) предложили такие содержательные категории, как отношение к изменениям и неравенству: консерватизм предполагает ориентацию на сохранение статуса-кво и поддержку существующего в обществе неравенства, либерализм – ориентацию на инновации и равенство. Тем не менее, некоторые исследования подчеркивают особую роль социокультурного контекста и политического дискурса в определении содержания политических представлений (Stenner, 2005).

В отечественном контексте такая структура политических представлений не находит соответствующего выражения (Aspelund et al., 2011). Результаты прошлых исследований показывают, что при изучении посткоммунистических стран, в

России, Латвии и Литве ориентации на сохранение статуса-кво и поддержку существующего неравенства не связаны с самоопределением на идеологическом континууме (Aspelund et al., 2011). На постсоветском пространстве политические представления рассматриваются через перспективу поддержки конкретных политических деятелей или партий, которые вместе с тем не являются отражением определенного «идеологического» полюса (Шестопап, 2016). В этом случае остается открытым вопрос о природе политических взглядов и тех оснований, которые позволяют дифференцировать людей с разными представлениями о желательном устройстве общества и, как следствие, изучать разные формы политической активности (Малинова, 2007).

Прошлые исследования в российском контексте позволили выделить такое основание как «свобода/контроль» в разных сферах общественной жизни (Prusova, Gulevich, 2020). Однако представленные категории показали низкую согласованность, что может свидетельствовать как о многомерной структуре политических представлений, так и о специфичных принципах устройства, например, в политической и экономической сферах. Таким образом, в настоящем исследовании сделан фокус на представления об идеальном государстве, которые соотносятся с «желательными» принципами устройства разных сфер общественной жизни (государственной поддержки, государственного контроля) и соответствующими результатами (низкий уровень безработицы, высокий уровень развития экономики).

Помимо содержательной стороны политических представлений, при оценке предпочтений на политической арене исследователи обращаются к психологическим основаниям (Crowson, 2009a; Feldman, Johnston, 2014; Onraet et al., 2011; Schoen, Schumann, 2007). Т. Адорно (1950) отмечал, что представления человека являются отражением личности, а не просто совокупностью мнений в конкретной идеологической среде. Попытка систематизировать существующие исследования, при изучении психологических предикторов политического консерватизма, находит выражение в рамках теории консерватизма как мотивированного социального познания (Jost, Sterling, Stern, 2018; Jost et al., 2017).

При операционализации политического консерватизма, помимо идеологического континуума, исследователи обращаются к оправданию системы, ориентации на социальное доминирование, правому авторитаризму, поддержке консерваторов на политической арене. В рамках настоящей теории поддержка политического консерватизма определяется разными мотивационными основаниями: эпистемические потребности (открытость опыту, толерантность к двусмысленности и неопределенности, догматизм, когнитивная ригидность, когнитивная сложность, потребность в познании, структуре, порядке и когнитивной завершенности) (Caprara et al., 2006; Gerber et al., 2011; Jost, 2006; Kruglanski et al., 2006; Osborne, Sibley, 2020; Roets, Van Hiel, 2006; Rokeach, 1960; Van Hiel, Onraet, De Pauw, 2010), экзистенциальные потребности (вера в опасный мир, вера в конкурентный мир, страх смерти, угроза социальной системе, тревога, избегание потерь, угроза самооценке, гнев, отвращение) (Burke et al., 2013; Federico, Hunt, Ergun, 2009; Shook, Ford, Boggs, 2017) и потребность в отношениях (Jost, 2021). Причем представленные предикторы находят выражение в разных культурных контекстах, несмотря на культурно-специфичное «содержание» идеологических категорий (Stankov, 2017).

Однако при изучении напоминания о смерти результаты исследований показывают противоречивые результаты: в одних исследованиях напоминание о смерти приводит к поддержке консервативных представлений, в других – как консервативных, так и либеральных (Burke et al., 2013). Таким образом, возникает вопрос о роли страха смерти и универсальности такого влияния на политические представления в разных культурных контекстах.

Проблема исследования

Проблема исследования заключена в противоречивых результатах исследований, посвященных изучению влияния напоминания о смерти на политические представления (Burke et al., 2013). При изучении роли страха смерти в политических представлениях, в настоящее время особую популярность приобрели теория управления страхом смерти (гипотеза «поляризации культурного мировоззрения») и теория консерватизма как мотивированного

социального познания (гипотеза «консервативного сдвига») (Jost et al., 2003; Solomon et al., 1991). Согласно гипотезе «поляризации культурного мировоззрения», напоминание о смерти (картины разрушенных зданий, погибших людей, вывески похоронных бюро, новости о террористических актах) усиливает имеющиеся политические представления: либералы демонстрируют более либеральные позиции, в то время как консерваторы – более консервативные (Burke et al., 2013). Согласно гипотезе «консервативного сдвига», страх смерти приводит к консервативному ответу, как универсальному защитному механизму, вне зависимости от первоначальных взглядов (Jost et al., 2003). Результаты метаанализа показывают, что как гипотеза «поляризации культурного мировоззрения» ($r=.35$), так и гипотеза «консервативного сдвига» ($r=.22$) находят подтверждение в разных культурных контекстах (Burke et al., 2013).

С одной стороны, попытка объяснить представленное противоречие находит выражение в специфике экзистенциальной угрозы: коллективный и личный страх смерти (Hirschberger et al., 2016). Результаты североамериканских исследований показывают, что актуализация страха смерти посредством информации о террористических актах или военных действиях (коллективный страх смерти) приводит к усилению «консервативных» представлений (Burke et al., 2013). В то время как подтверждение гипотезы «поляризации культурного мировоззрения» находит выражение при изучении личного страха смерти, когда в экспериментальной процедуре участникам предлагается подумать о смерти. Тем не менее, в настоящее время остается открытым вопрос о роли разных угроз, так как в рамках одной экспериментальной процедуры такие условия прежде не сравнивались.

С другой стороны, противоречивые результаты могут свидетельствовать о культурной специфике, в том числе, особенностях социально-экономического и политического контекстов и, как следствие, содержания политических представлений (Burke et al., 2013). Для проверки «универсальности» представленного противоречия в кросс-культурной перспективе, в настоящем исследовании рассматривается влияние напоминания о смерти на политические

представления в разных сферах общественной жизни на постсоветском пространстве.

Объект исследования – представления об идеальном государстве.

Предмет исследования - влияние напоминания о смерти на представления об идеальном государстве на постсоветском пространстве.

Цель исследования – изучить влияние напоминания о смерти на представления об идеальном государстве в странах постсоветского пространства.

Для изучения представленной цели были сформулированы следующие исследовательские задачи:

1. Проанализировать структуру и содержание политических представлений в разных культурных контекстах.

2. Проанализировать роль психологических оснований политических представлений.

3. Проанализировать влияние напоминания о смерти на политические представления.

4. Разработать методику для изучения представлений об идеальном государстве в странах постсоветского пространства.

5. Разработать план экспериментального исследования для изучения влияния напоминания о смерти на представления об идеальном государстве.

6. Определить основные сферы общественной жизни и принципы устройства идеального государства в странах постсоветского пространства.

7. Определить связь между психологическими основаниями и представлениями об идеальном государстве в странах постсоветского пространства.

8. Определить влияние напоминания о смерти, вызванное личной и коллективной угрозами, на представления об идеальном государстве в странах постсоветского пространства.

9. Проанализировать полученные результаты в рамках теории управления страхом смерти и консерватизма как мотивированного социального познания.

Общие гипотезы исследования:

1. Напоминание о личной смерти приводит к поляризации имеющихся представлений об идеальном государстве.

2. Напоминание о военных действиях приводит к «консервативному сдвигу» в представлениях об идеальном государстве.

В рамках настоящей работы были сформулированы следующие **исследовательские вопросы**:

1. Какие сферы общественной жизни и принципы «желательного» устройства государства представлены в дискурсе?

2. Какая структура представлений об идеальном государстве находит выражение в странах постсоветского пространства?

3. С какими психологическими основаниями связаны представления об идеальном государстве?

4. Зависит ли от контекста влияние напоминания о смерти на представления об идеальном государстве?

Эмпирическую базу исследования составили 8614 человек, среди которых граждане России (2818), Беларуси (1225), Казахстана (1639), Узбекистана (1151) и Украины (1781). Исследование 1 включало пять этапов: анализ программ политических партий, интервью (110 участников: 19 (Беларусь), 19 (Украина), 20 (Узбекистан), 33 (Россия), 19 (Казахстан)), проверка сформулированных утверждений об идеальном государстве (4337 участников: 1234 участника из России, 735 – из Узбекистана, 776 – из Казахстана, 838 – из Украины и 754 - из Беларуси), анализ факторной структуры методики для изучения представлений об идеальном государстве (1641 участник: 610 (Россия), 252 (Беларусь), 299 (Украина), 225 (Узбекистан), 255 (Казахстан)) и представлений об идеальном государстве с психологическими основаниями (1280 участников: 466 (Россия), 200 (Беларусь), 219 (Украина), 171 (Узбекистан), 224 (Казахстан)). В Исследовании 2, направленном на изучение влияния напоминания о смерти, приняли участие 365 человек из Казахстана, 475 человек из России и 406 человек из Украины.

Теоретико-методологическая основа исследования

Теоретико-методологическую основу диссертации составили:

- исследования, посвященные изучению содержания и структуры политических представлений в отечественном (Лукин А. В., Малинова О.Ю., Шестопад Е.Б.) и зарубежном (Feldman J., Van Dijk E., Jost J.) контекстах;

- исследования, направленные на изучение психологических оснований политических представлений, в том числе, напоминания о смерти, в рамках теории консерватизма как мотивированного социального познания (Jost J., Hunyady O., Napier J.L.);

- исследования, направленные на изучение влияния напоминания о смерти на политические представления в рамках теории управления страхом смерти (Greenberg J., Solomon S., Pyszczynski T.);

- исследования, направленные на изучение социально-экономического и политического контекста в странах постсоветского пространства (Головнин М.Ю., Гринберг Р.С., Haerpfer C., Kizilova K.).

Методы исследования

В рамках Исследования 1 использовались методы интервью и анкетного опроса. На данном этапе были использованы авторская методика на изучение представлений об идеальном государстве (из 46 и 11 дихотомических пар утверждений) и методики, направленные на изучение правого авторитаризма (Черткова и др., 2017; Altemeyer, 1998), потребности в когнитивной завершенности (Roets, Van Hiel, 2011), Большой пятерки («открытость опыту») (John, Donahue, Kentle, 1991; John, Naumann, Soto, 2008; Щебетенко, 2015), ориентации на социальное доминирование (Гулевич, Агадуллина, Хухлаев, 2018; Pratto et al., 1994), веры в конкурентный мир (Гулевич, Аникеенок, Безменова, 2014; Duckitt et al., 2002), веры в опасный мир (Гулевич, Аникеенок, Безменова, 2014; Duckitt et al., 2002); самоотчеты в отношении политических ориентаций (левые-правые и консерваторы-либералы). В Исследовании 2 было представлено экспериментальное исследование с использованием следующих методик и процедур: авторская методика на изучение представлений об идеальном государстве, модифицированная процедура напоминания о смерти (Rosenblatt et al., 1989), методика на завершение слов (Greenberg et al., 1994), шкала позитивных и

негативных аффектов (PANAS) (Осин, 2012), отвлекающее задание и виньетки, позволяющие оценить степень привлекательности и готовности поддержать на выборах политического деятеля с программами политического уважения/контроля и государственной поддержки/независимости от государственной поддержки.

Научная новизна исследования

1. В рамках настоящего исследования разработана методика, направленная на изучение представлений об идеальном государстве в странах постсоветского пространства. В отличие от североамериканской структуры политических представлений, включающих дихотомию «консерватизм/либерализм», на постсоветском пространстве были выделены такие факторы, как «политическое уважение/контроль» и «государственная поддержка/независимость от государственной поддержки».

2. Настоящее исследование показывает связь психологических оснований и представлений об идеальном государстве в странах постсоветского пространства. В исследовании рассматривается связь между представлениями об идеальном государстве («политическое уважение/контроль» и «государственная поддержка/независимость от государственной поддержки») и идеологическими predispositionами (правый авторитаризм, ориентация на социальное доминирование), экзистенциальными потребностями (вера в опасный и конкурентный мир) и эпистемическими потребностями (открытость опыту и потребность в когнитивной завершенности).

3. Исследование показывает роль напоминания о смерти на представления об идеальном государстве в странах постсоветского пространства. В данном случае рассматривается противоречие между теорией управления страхом смерти (гипотеза «поляризации культурного мировоззрения») и теорией консерватизма как мотивированного социального познания (гипотеза «консервативного сдвига»), учитывая разные уровни угрозы (коллективный и личный страх смерти), основания политических представлений («политический контроль/уважение» и «государственная поддержка/независимость от

государственной поддержки») и страны постсоветского пространства (Украина, Казахстан и Россия).

4. В исследовании была адаптирована онлайн-процедура для актуализации мыслей о смерти на постсоветском пространстве. Простые исследования в рамках теории управления страхом смерти представляли лабораторные эксперименты (Burke et al., 2013). В ситуации пандемии представленная процедура была перенесена в онлайн-формат с дополнительными ограничениями для оценки включенности участников и последующего дебрифинга.

Теоретическая значимость исследования

1. Исследование вносит вклад в изучение представлений об идеальном государстве в странах постсоветского пространства, учитывая особенности политического и социокультурного контекста.

2. Исследование показывает связь представлений об идеальном государстве с психологическими факторами (открытость опыту, потребность в когнитивной завершенности, ориентация на социальное доминирование, правый авторитаризм, социальные верования) в странах постсоветского пространства.

3. Исследование показывает роль напоминания о смерти («гипотеза поляризации культурного мировоззрения» и «гипотеза консервативного сдвига») в представлениях об идеальном государстве в странах постсоветского пространства, учитывая разные уровни угрозы (напоминание о личной смерти и военных действиях).

Практическая значимость исследования

1. Методика для измерения представлений об идеальном государстве может использоваться в разных странах постсоветского пространства для выявления политических представлений, предпочтений и электорального поведения.

2. Выявление основных детерминант политического поведения позволяет использовать будущие результаты для разработки программ политических партий.

3. Настоящее исследование позволяет определить роль разных угроз в политических представлениях граждан, которые могут приводить к снижению страха смерти.

4. Результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах по политической и социальной психологии.

Надежность и достоверность полученных результатов определяется теоретико-методологическими основаниями исследования, надежностью инструментария, достаточным объемом выборки для проверки гипотез, и адекватностью статистических методов обработки данных. Для обработки и анализа данных использовались пакеты программного обеспечения SPSS 27.00 и R. В данном случае были реализованы процедуры корреляционного анализа, эксплораторного и конфирматорного факторного анализа, и многомерного дисперсионного анализа (MANOVA).

Положения, выносимые на защиту:

1. Структура и содержание политических представлений относительно «желательного» устройства общества в странах постсоветского пространства обладают культурной спецификой.

2. Представления об идеальном государстве связаны с психологическими факторами, которые рассматриваются при изучении политических ориентаций консерватизма/либерализма и левых/правых взглядов.

3. Напоминание о смерти оказывает влияние на представления об идеальном государстве в странах постсоветского пространства, причем такое влияние зависит от специфики угрозы (личный страх смерти и военные действия).

Апробация результатов исследования

Результаты исследования были представлены в рамках следующих статей, которые были выполнены в ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Департамент психологии (02.27.02), и обсуждались на научно-исследовательском семинаре «Культура имеет значение» и в ряде международных конференций.

Публикации

Prusova I., Gulevich O. Terrorism news and Attitudes Toward Countries: The role of Mortality Saliency and Intergroup Threat (Новости о терроризме и отношение к другим странам: роль напоминания о смерти и межгрупповой угрозы) // *Psychology in Russia: State of the Art*. – 2021. – Vol.14. – № 2. – P.101–117. DOI: 10.11621/pir.2021.0207.

Prusova I., Gulevich O. The effect of mortality saliency on the attitudes toward state control: The case of Russia (Влияние напоминания о смерти на отношение к государственному контролю на примере России) // *International Journal of Psychology*. – 2020. – Vol. 55. – №. 2. – P. 305–314. DOI: 10.1002/ijop.12571.

Прусова И. С. Влияние страха смерти на представление об идеальном политике // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. – 2015. – Т. 12. – № 3. С.41–51.

Прусова И. С. Разработка методики для изучения представлений об идеальном государстве в России // *Социальная психология и общество*. – 2021. – Т.12. – № 3. – С.103–127. DOI:10.17759/sps.2021120308.

Прусова И. С., Гулевич О. А. Влияние напоминания о смерти на отношение к другим странам: роль правого авторитаризма // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. – 2020. – Т.17. – №3. – С.520–536. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-3-520-536.

Конференции

32-Международный психологический конгресс. 2021. Прага. Доклад: Оправдание системы и отношение к гендерному неравенству.

32-Международный психологический конгресс. 2021. Прага. Доклад: Политические представления в странах постсоветского пространства.

25-Международный конгресс кросс-культурной психологии. 2021. Прага. Доклад: Оправдание системы и межгрупповые отношения в странах постсоветского пространства.

Виртуальная научная конференция Международного сообщества политических психологов (ISPP). 2021. Монреаль. Доклад: Влияние напоминания о смерти на популистские аттитюды в России.

Виртуальная научная конференция Международного сообщества политических психологов (ISPP). 2020. Берлин. Доклад: Влияние напоминания о смерти на отношение к войне.

Ломоносов. 2019. Москва. Доклад: Влияние страха смерти на отношение к национальным аутгруппам.

Ежегодная конференция Сообщества австралийских социальных психологов 2019. Сидней. Доклад: Влияние напоминания о смерти и отношение к национальным аутгруппам.

Ежегодная научная конференция Международного сообщества политических психологов (ISPP). 2019. Лиссабон. Доклад: Влияние страха смерти на политические аттитюды в России.

Ежегодная научная конференция Международного сообщества политических психологов (ISPP). 2019. Лиссабон. Доклад: Влияние страха смерти на отношение к национальным аутгруппам.

Проекты

«Психологические предикторы политических аттитюдов в странах постсоветского пространства» («Ярмарка проектов», НИУ ВШЭ, руководитель Прусова И.С.) был направлен на изучение политических представлений в странах постсоветского пространства. В рамках проекта участники проанализировали структуру политических представлений в кросс-культурной перспективе.

Объем и структура работы. Диссертация включает введение, две главы, заключение, список литературы и приложения (1-9). Библиография включает 492 наименований. В тексте диссертации приведены 30 таблиц и 1 схема.

Основное содержание работы

Во **Введении** представлена актуальность, проблема, цель, задачи, объект и предмет исследования, гипотезы, теоретические и методологические основы

исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, положения, выносимые на защиту, и апробация результатов исследования (публикации и конференции).

Глава 1 представляет теоретический анализ зарубежных и отечественных исследований, посвященных изучению природы политических представлений, роли психологических оснований и напоминания о смерти.

Параграф 1.1. обращен к анализу структуры и содержания политических представлений в разных странах. В рамках настоящего параграфа рассматриваются универсальные основания идеологического континуума (либерализм/консерватизм и левые/правые взгляды), «содержание» политических представлений в разных странах, «социальное» и «экономическое» основания, и «независимые» основания политических представлений (Caprara et al., 2017; Jost, 2021; Kim, Kang, Yun, 2012; Roets, Au, Van Hiel, 2015).

Подпараграф 1.1.1 обращен к анализу универсальных шкал для оценки политических представлений. В большинстве исследований для определения политических представлений участникам предлагается отметить на идеологическом континууме поддержку либеральных/консервативных или левых/правых взглядов (Bobbio, 1996; Feldman, 2003). Представленные основания широко используются для оценки и классификации политических программ, идеологий и взглядов. В многочисленных исследованиях левые/правые и либералы/консерваторы рассматриваются в качестве тождественных оснований (Jost et al., 2003). Однако некоторые исследования свидетельствуют о частичном соотношении таких категорий, что также находит отражение и в рассогласованных позициях в вопросе электорального поведения (Caprara et al., 2017). Предполагается, что рассогласованные позиции в использовании идеологических континуумов объясняются особенностями дискурса (Morgan, Skitka, Wisneski, 2014); предпочтением идеологических оснований, которые выходят за измерение соответствующего континуума (Carmines, Ensley, Wagner, 2012); низким уровнем интереса и осведомленности (Otjes, 2018) и изучением политических представлений в разных сферах общественной жизни (Stimson, 2004). Отсутствие

согласованности в самоопределении на идеологическом континууме и соответствующими установками относительно «желательного» устройства общества, выступает свидетельством многомерной структуры политических представлений.

Подпараграф 1.1.2 обращен к изучению содержательных оснований для дифференциации консерватизма/либерализма и правых/левых взглядов в разных культурных контекстах. В США основной фокус при изучении политических представлений уделялся культурному (социальному) основанию, что находит выражение в таких категориях, как «смертная казнь», «мультикультурализм», «добрачные отношения», «мигранты», «церковь» и «аборты» (Henningham, 1996). В последующих работах отмечается фокус и на «экономическое» основание («бизнес», «политика ограничений», «социальные пособия», «владение оружием», «налогообложение») (Everett, 2013). В Китае содержательные основания для дифференциации политических представлений рассматриваются через перспективу развития разных сфер общественной жизни, среди которых выделяют политическую («многопартийная система», «государственный контроль»), социально-экономическую («установка цен», «государственная/частная собственность», «политика протекционизма») и национальную («отношение к Западу» или «сохранение культурной самобытности») (Pan, Xu, 2018). В странах Центральной Азии исследователи обращаются к таким категориям, как «отношение к справедливости», «политика перераспределения» и «роль государства» (Эргашев, Сеитов, 2016). В Армении такими основаниями выступали «ответственность государства/каждого человека за социальное благополучие», «равномерное распределение богатства/приоритет индивидуальных достижений», «государственная/частная собственность», «конкуренция – это плохо/хорошо» (Mkrtichyan, Vermishyan, Balasanyan, 2016). В Венгрии исследователи обращаются к таким категориям, как «конвенционализм», «социалистический консерватизм», «правый консерватизм» и «либертарианство» (Enyedi, Todosijević, 2003).

Подпараграф 1.1.3 показал, что при изучении политических представлений исследователи обращаются к таким сферам общественной жизни, как социальная и

экономическая (Crawford, 2017). История появления двух оснований исходит из модели двойного пути, которая обращается к разным мотивационным основаниям (вера в опасный и конкурентный мир) в поддержке «социального» (правый авторитаризм) и «экономического» (ориентация на социальное доминирование) оснований (Duckitt et al., 2002). Впоследствии объединение «социального» и «экономического» оснований находит выражение в рамках теории консерватизма как мотивированного социального познания: консерваторы/правые выступают за поддержку существующего статуса-кво и неравенства, в то время как либералы/левые – изменения и равенство (Jost et al., 2003). В странах постсоветского пространства отмечаются противоречивые результаты, так как содержание статуса-кво может отличаться в зависимости от контекста (Azevedo, Jost, Rothmund, 2017; Thorisdottir et al., 2007).

Подпараграф 1.1.4 обращен к исследованиям, которые рассматривают политические представления через перспективу независимых оснований (Kerlinger, 1984). Предполагается, что разные идеологические основания соотносятся с разными функциями и, как следствие, потребностями граждан. Консерватизм соотносится с национализмом, поддержкой существующих религиозных и культурных традиций, лояльности внутри группы и защите межгрупповых границ (Janoff-Bulman, 2009). При этом либеральная идеология отдает приоритет гражданским свободам, социальному и экономическому равенству (Janoff-Bulman, 2009). Анализ политических представлений через перспективу независимых оснований находит выражение и в изучении ценностей. В этом случае особую популярность приобрели модель базовых личных ценностей и теория моральных оснований. Модель базовых личных ценностей (Schwartz, 1992; Schwartz et al., 2010) показывает различия между сторонниками правых и левых политических взглядов: левый полюс соотносится с высокими оценками ценностей универсализма, доброжелательности и самостоятельности; правый полюс – представленность ценностей конформизма, традиций, безопасности и в некоторых случаях власти и достижений (Caprara et al., 2006; Piurko et al., 2011; Schwartz et al., 2010). Согласно теории моральных оснований либералы поддерживают

«индивидуализирующие» моральные основания (забота и справедливость); консерваторы - «сплывающие» моральные основания (внутригрупповая лояльность, уважение к авторитету и чистота) (Graham, Haidt, Nosek, 2009; Wright, Baril, 2011). Однако в странах постсоветского пространства, в которых дихотомии левых/правых или либеральных/консервативных взглядов не находят соответствующего выражения, ценности не выступают ключевыми предикторами политических представлений (Purko et al., 2011).

Параграф 1.2 обращен к изучению роли «психологических» оснований в политических представлениях. Результаты многочисленных исследований показывают устойчивую взаимосвязь между политическими представлениями и психологическими переменными в разных культурных контекстах (Jost, Sterling, Stern, 2018; Jost et al., 2017). Накопленный опыт в изучении природы политических представлений позволил рассматривать политические представления через перспективу мотивированного социального познания (Jost et al., 2018; Sterling, Jost, Pennycook, 2016). В этом случае особый интерес представляет фактор напоминания о смерти. Результаты мета-анализа, посвященного изучению влияния напоминания о смерти на политические представления, подтверждают как гипотезу «консервативного сдвига» ($r=.22$) (теория консерватизма как мотивированного социального познания), так и «поляризации культурного мировоззрения» ($r=.35$) (теория управления страхом смерти) (Burke et al., 2013; Jost et al. 2003).

Подпараграф 1.2.1 обращен к представлению психологических оснований в предпочтении политического консерватизма в рамках теории консерватизма как мотивированного социального познания. В данном случае политический консерватизм выступает в качестве системы представлений, которая включает два основания: ориентацию на сохранение статуса-кво и существующего неравенства (Jost et al., 2003). Предполагается, что выбор политического консерватизма определяется эпистемическими потребностями (открытость опыту, толерантность к двусмысленности и неопределенности, догматизм, когнитивная ригидность, когнитивная сложность, потребность в познании, структуре, порядке и когнитивной завершенности) (Caprara et al., 2006; Gerber et al., 2011; Jost, 2006;

Kruglanski et al., 2006; Osborne, Sibley, 2020; Roets, Van Hiel, 2006; Rokeach, 1960; Van Hiel et al., 2010), экзистенциальными потребностями (вера в опасный мир, вера в конкурентный мир, страх смерти, угроза социальной системе, тревога, избегание потерь, угроза самооценке, гнев, отвращение) (Burke et al., 2013; Federico et al., 2009; Shook et al., 2017) и потребностью в отношениях (Jost, 2021). Несмотря на широкую представленность факторов, которые определяют поддержку политического консерватизма, наиболее устойчивые позиции показывают такие психологические основания, как открытость опыту и потребность в когнитивной завершенности (эпистемические потребности), вера в опасный и конкретный мир (экзистенциальные потребности) (Jost et al., 2018).

Изучение роли напоминания о смерти на политические представления в рамках теории консерватизма как мотивированного социального познания находит выражение в поддержке гипотезы «консервативного сдвига». Консерватизм выступает в качестве универсальной защитной идеологии, которая соотносится с возможностью поддерживать то, что знакомо, и, как следствие, нивелировать риск от потенциальных изменений и непредсказуемости (Jost et al., 2017). В ситуации угрозы или неопределенности люди склонны демонстрировать «сдвиг к консерватизму» вне зависимости от первоначальных взглядов (Jost et al., 2003). Подобная тенденция может выражаться в поддержке консервативной политики, консерваторов на политической арене и национализма (Jost, 2021).

Подпараграф 1.2.2 показывает роль напоминания о смерти на политические представления в рамках теории управления страхом смерти (гипотеза «поляризации культурного мировоззрения»). Результаты некоторых исследований показывают, что «консервативный сдвиг» может показывать не всю картину, так как напоминание о смерти также приводит и к усилению либеральных взглядов (Burke et al., 2013). В рамках теории управления страхом смерти, напоминание о смерти приводит к актуализации двух последовательных защит: проксимальной и дистальной. Проксимальная защита позволяет трансформировать осознаваемую информацию о смерти в категорию неосознаваемой посредством рационализации и вытеснения (Greenberg et al., 1994). На следующем этапе актуализируется

дистальная защита, которая представляет собой культурный буфер, включающий самооценку и культурное мировоззрение (Greenberg et al., 2001). Самооценка в теории управления страхом смерти представляет собой индивидуализированную версию культурного мировоззрения, соответствие которому позволяет снизить страх смерти (Harmon-Jones et al., 1997). Культурное мировоззрение можно рассматривать через перспективу упорядоченного и структурированного представления о мире, с учетом ценностей, норм и стандартов (Greenberg et al., 1992). Гипотеза «поляризации культурного мировоззрения» предполагает позитивное отношение к тем, кто поддерживает культурное мировоззрение и негативное – в отношении «несогласных» (Greenberg et al., 1992; Pyszczynski et al., 2006). Представленная гипотеза нашла подтверждение в разных сферах (политические представления, поддержка политических лидеров, национальная идея, религия, проэкологическое поведение, наказание за правонарушение, милитаризм) (Burke et al., 2013). Однако поляризация находит выражение только в том случае, если «категории» представляются важными для человека. В вопросе политических представлений напоминание о смерти приводит к поляризации первоначальных представлений: либералы становятся более либеральными, в то время как консерваторы – консервативными (Burke et al., 2013).

В подпараграфе 1.2.3 сравниваются теория консерватизма как мотивированного социального познания (гипотеза «консервативного сдвига») и теория управления страхом смерти (гипотеза «поляризации культурного мировоззрения»). Для объяснения противоречия исследователи обращаются к дополнительным факторам, среди которых специфика угроз (коллективный и личный страх смерти) и операционализации политических представлений (Anson et al., 2009; Hirschberger et al., 2016). Напоминание о смерти представляет собой сложный конструкт, так как, с одной стороны, может представлять как физическую угрозу (личную или коллективную), так и угрозу «культурному мировоззрению» (Greenberg, Solomon, Pyszczynski, 1997). Более того, различия в результатах могут соотноситься с «содержанием» («либеральные» и «консервативные») и уровнем (личная/коллективная) рассматриваемых угроз (Hirschberger et al., 2016).

Предполагается, что личный страх смерти соотносится с гипотезой «поляризации культурного мировоззрения», коллективный – с гипотезой «консервативного сдвига». Однако некоторые исследования показывают, что ситуация коллективного страха смерти приводит как к «консервативному сдвигу», так и «поляризации культурного мировоззрения» (Burke et al., 2013).

При изучении противоречия между теориями консерватизма как мотивированного социального познания и управления страхом смерти исследователи обращаются к проблеме операционализации политических представлений. Помимо идеологического континуума исследователи обращаются к внутригрупповому фаворитизму, поддержке политических деятелей или содержательно независимым основаниям в разных сферах общественной жизни (Brandt et al., 2014; Jost et al., 2003; Malka et al., 2014; Nail et al., 2009).

Параграф 1.3 показывает особенности социально-политического контекста в странах постсоветского пространства. Постсоветское пространство представляет собой соединение советского прошлого в культурной, институциональной, экономической и политической сферах и того, что появилось вследствие распада системы (Летняков, 2018). Несмотря на общность в исторической перспективе, результаты трансформации в постсоветский период показывают значительные различия в экономическом, политическом и социальном развитии стран.

Подпараграф 1.3.1 показывает особенности социальной политики в странах постсоветского пространства. После распада СССР в странах постсоветского пространства в сферах образования и здравоохранения отмечается приоритет политики эгалитаризма и государственной поддержки (Набибов, 2013). Согласно индексу социального прогресса страны постсоветского пространства включены в 4 кластера из 6 (со 2 по 5 в мировом рейтинге): во втором кластере - Эстония, Литва, Латвия; в третьем - Украина, Грузия, Беларусь, Армения, Молдавия, Россия, Казахстан; в четвертом - Кыргызстан, Узбекистан, Азербайджан, и в пятом – Туркменистан и Таджикистан (Social Progress Index, 2022). Вместе с тем, в странах постсоветского пространства можно отметить высокий уровень бедности и социального неравенства (World Bank Dataset, 2022).

Подпараграф 1.3.2 показывает особенности экономического развития (уровень ВВП, индекс экономической свободы) в странах постсоветского пространства. По величине ВВП высокие позиции занимают страны Прибалтики, Россия и Казахстан, в то время как низкие показатели представлены в Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане (World Bank Dataset, 2022). Согласно индексу экономической свободы страны постсоветского пространства можно разделить на следующие категории: страны с низкими показателями в сравнении с мировым уровнем – Узбекистан, Украина, Туркменистан, Таджикистан, Беларусь, Россия, Азербайджан и Армения; страны с высокими показателями относительно мирового уровня - Молдавия, Литва, Латвия, Эстония, Кыргызстан, Казахстан и Грузия (Economic Freedom Index, 2022).

Подпараграф 1.3.3 показывает особенности политической сферы в странах постсоветского пространства. В данном случае особый фокус уделяется формам правления (парламентская, президентская и смешанная республика), особенностям «идеологических» оснований в дискурсе и индексу демократии. Переход к плюрализму идей и широкому спектру политических партий в постсоветских странах привела к проблеме «частичных идеологий» и взаимоисключающим позициям в разных сферах общественной жизни (Малинова, 2007). При изучении развития политической сферы в странах постсоветского пространства рассматривается индекс демократии: несовершенная демократия (Латвия, Литва, Эстония), гибридный режим (Армения, Кыргызстан, Молдавия, Грузия, Украина) и авторитаризм (Беларусь, Казахстан, Азербайджан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Россия) (Democracy Index, 2021).

Подпараграф 1.3.4 показывает особенности международной политики в странах постсоветского пространства. В политическом дискурсе находят выражение ориентация на «сохранение» самобытности культуры и интеграционные процессы. Ориентация на сохранение самобытности культуры проявляется в укреплении национального языка и позитивного образа о стране, национальной идентичности, политики протекционизма (Lombardozzi, 2019). В странах постсоветского пространства можно отметить и ориентацию на

интеграционные процессы: включение в ЕС и НАТО или СНГ и ОДКБ, что находит активное выражение в политическом дискурсе (Пантин, 2022).

В разделе **Выводы** были выделены основные тезисы относительно изучения структуры и содержания политических представлений, роли психологических оснований, напоминания о смерти (гипотезы «консервативного сдвига» и «поляризации культурного мировоззрения») и особенностей контекста.

Во **второй главе** описаны результаты двух исследований, в которых подробно представлены процедура исследования, методологический аппарат, особенности выборки, результаты и обсуждения результатов.

Исследование 1 направлено на изучение структуры представлений об идеальном государстве в странах постсоветского пространства и роли психологических оснований. Исследование включает 5 независимых этапов.

Этап 1 показывает анализ программ политических партий в 5 странах постсоветского пространства: Узбекистан (5), Беларусь (15), Россия (53), Казахстан (6) и Украина (41). В разделе **Процедура** представлена стратегия анализа - определение сфер общественной жизни, которые упоминаются в программах и анализ частот. В разделе **Результаты** представлен анализ частот, в рамках которого отмечается приоритетная роль таких сфер общественной жизни, как социальная политика, здравоохранение, образование, экономика, промышленность, сельское хозяйство, армия и правоохранительная система, культура, наука, спорт, СМИ, ЖКХ, экология, государственное управление и внешняя политика. Анализ содержательных оснований позволил предварительно выделить такие категории как государственный контроль/свобода (роль государства в решении общественно-политических и социально-экономических вопросов), государственная поддержка для всех/только для тех, кто нуждается в помощи (политика распределения ресурсов), милитаристская/миролюбивая политика и ориентация на зарубежный опыт/национальную политику. В разделе **Обсуждение результатов** подчеркиваются ключевые сферы общественной жизни и принципы устройства, учитывая особенности политического дискурса.

Этап 2 представляет интервью об идеальном государстве в странах постсоветского пространства. Задача этапа состояла в определении основных категорий и сфер общественной жизни в определении идеального государства. В разделе **Выборка** отмечается информация о 110 участниках из Украины, Узбекистана, Казахстана, России и Беларуси. В разделе **Процедура** представлена итоговая версия протокола интервью, которая включала 6 вопросов. В разделе **Результаты** были выделены основные категории и впоследствии подсчитаны частоты. В рамках исследования было получено, что люди обращаются к таким категориям, как социальная политика, здравоохранение, государственное управление, правоохранительная система, сельское хозяйство, экология, СМИ, экономика, промышленность, культура, образование, внешняя политика, спорт, ЖКХ, армия и наука. Среди принципов устройства были выделены такие категории как государственный контроль/свобода (роль государства в разных сферах общественной жизни), централизация/децентрализация (принцип распределения ресурсов), государственная/частная собственность (особенности экономической системы), унификация/разнообразие (представленность разных позиций в дискурсе), государственная поддержка/независимость от государственной поддержки (повышение социально-экономического благополучия посредством помощи государства или самостоятельной активности), национальная политика/зарубежный опыт, милитаристская/миролюбивая политика. В **Обсуждении результатов** подчеркиваются ключевые сферы общественной жизни и принципы устройства разных сфер; сравниваются с таковыми в программах политических партий и представляются ограничения исследования.

Этап 3 направлен на проверку сформулированных утверждений (279) об идеальном государстве посредством серии онлайн-опросов. В разделе **Выборка** отмечается информация о 4337 участников из Украины, Беларуси, Узбекистана, Казахстана и России. В разделе **Процедура** представлена информация относительно утверждений об устройстве идеального государства и категорий для оценки («понятности», «важности» и «согласия»). В разделе **Результаты** представлена стратегия отбора утверждений, среди которых высокие критерии

«важности» и «понятности» ($M > 5$), в вопросе «согласия» учитывалась дисперсия ответов. На данном этапе представлена итоговая версия опросника из 46 пар дихотомических утверждений. В разделе **Обсуждение результатов** представлена информация относительно структуры представлений об идеальном государстве в странах постсоветского пространства.

Этап 4 представляет проверку 6-ти факторной структуры представлений об идеальном государстве: политический контроль/уважение, государственная/частная собственность, государственная поддержка/независимость от государственной поддержки, миролюбивая/милитаристская политика, разнообразие/унификация, централизация/децентрализация. В разделе **Выборка** представлена информация об 1641 участнике из Узбекистана, Беларуси, Казахстана, России и Украины. В разделе **Процедура исследования** и **Методики** представлена информация о последовательности и содержании методик, среди которых представления об идеальном государстве и социально-демографическая паспортника. В разделе **Результаты** представлена информация об эксплораторном и конфирматорном факторном анализе и анализе надежности разработанных шкал. Было получено, что 6-ти факторная модель не показывает устойчивой структуры. Результаты эксплораторного факторного анализа показали похожие паттерны в отношении факторов политического контроля/уважения и государственной поддержки/независимости. В разделе **Обсуждение результатов** рассматривается структура представлений об идеальном государстве с учетом политического и социально-экономического контекстов.

Этап 5 включает проверку 2-х факторной структуры представлений об идеальном государстве и анализ взаимосвязи между психологическими основаниями и представлениями об идеальном государстве, которые рассматриваются в зарубежной перспективе при изучении консервативной и либеральной ориентаций. В разделе **Выборка** отмечается информация об 1280 участниках из Украины, России, Беларуси, Узбекистана и Казахстана. В разделе **Процедура исследования** и **Методики** представлена последовательность и содержание методик, среди которых методики на изучение правого авторитаризма

(Черткова и др., 2017), ориентации на социальное доминирование (Гулевич и др., 2018), потребности в когнитивной завершенности (Roets, Van Hiel, 2011), «Большой пятерки» (открытость опыту) (Щебетенко, 2015), социальных верований (вера в опасный мир, конкурентный мир) (Гулевич, Аникеенок, Безменова, 2014), представлений об идеальном государстве и самоотчеты относительно политических представлений («левые-правые»; «консерваторы-либералы»). В разделе **Результаты** представлена информация о конфирматорном факторном анализе, инвариантности шкал и корреляционном анализе. Двухфакторная структура представлений находит выражение в России, Казахстане и Украине, в связи с чем только в данных странах были проведены анализ инвариантности и корреляционный анализ. Результаты корреляционного анализа представлены в Таблице 1. Политическое уважение позитивно связано с открытостью опыту (Украина), доходом (Россия), но негативно – с правым авторитаризмом (Россия), верой в опасный мир (Казахстан) и ориентацией на социальное доминирование (Украина). При этом независимость от государственной поддержки положительно связана с верой в конкурентный мир (Казахстан, Украина), потребностью в когнитивной завершенности (Россия, Украина), доходом (Украина) и негативно – с возрастом (Казахстан). В разделе **Обсуждение результатов** представлен анализ структуры представлений об идеальном государстве и сравнение роли психологических оснований с западными исследованиями.

Таблица 1. Описательные статистики, α -Кронбаха и корреляции представлений об идеальном государстве

№	Факторы	M	SD	α	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Россия																		
1	Политический контроль/уважение	4.12	1.61	.778														
2	Государственная поддержка/независимость	3.99	1.46	.891	-.380***													
3	Либерализм/Консерватизм	4.03	1.64		-.162***	.066												
4	Левые/Правые	3.56	1.63		.090	.090	.155***											
5	Правый авторитаризм	3.93	1.19	.897	-.123**	.080	.463***	.054										
6	Вера в опасный мир	4.35	1.21	.845	-.059	.042	-.002	-.056	.183***									
7	Вера в конкурентный мир	3.41	1.10	.821	.059	.019	-.048	.162***	.112*	.228***								
8	Потребность в когнитивной завершенности	3.73	0.69	.793	-.055	.091*	.220***	-.011	.359***	.372***	.037							
9	Открытость опыту	3.30	0.55	.767	.065	-.013	-.096*	-.017	.073	.174***	.030	.021						
10	ОСД	2.95	0.94	.846	-.054	.076	.080	.286***	.061	-.092*	.356***	-.131**	-.175***					
11	Возраст	35.80	11.10		-.032	.018	.272***	-.132**	.248***	-.068	-.130**	.207***	-.021	-.118*				
12	Образование	3.23	0.93		-.012	.008	-.003	.056	-.030	-.065	-.014	.029	.036	.030	.172***			
13	Доход	3.18	0.95		.096*	-.014	.005	.181***	.048	-.113*	.147**	-.007	.033	.100*	-.125**	.110*		
14	Пол				-.067	.088	-.129**	-.037	-.034	.004	-.167***	.052	.024	-.191***	-.021	.192***	-.039	
Украина																		
1	Политический контроль/уважение	4.49	1.61	.785														
2	Государственная поддержка/независимость	3.71	1.68	.912	-.308***													
3	Либерализм/Консерватизм	3.42	1.74		.085	.050												
4	Левые/Правые	3.22	1.78		.022	.114	.264***											
5	Правый авторитаризм	3.79	1.03	.833	-.103	.099	.266***	.022										
6	Вера в опасный мир	4.61	1.37	.880	.133	-.011	-.036	.167*	.202**									
7	Вера в конкурентный мир	3.28	1.08	.780	-.037	.134*	.142*	.111	.258***	.150*								
8	Потребность в когнитивной завершенности	3.69	0.59	.763	.068	.136*	.137*	-.051	.276***	.281***	.136*							
9	Открытость опыту	3.39	0.58	.782	.161*	.004	-.030	-.004	.066	.135*	-.064	-.015						
10	ОСД	2.90	0.89	.730	-.141*	.045	.223***	.220**	.138*	-.158*	.361***	-.019	-.170*					
11	Возраст	36.27	11.345		.041	-.086	.080	-.045	.019	.022	-.199**	.069	.037	-.115				
12	Образование	3.31	0.88		.016	-.059	-.012	-.030	-.103	.004	-.043	.101	-.011	.012	.082			
13	Доход	3.09	0.92		.045	.152*	.059	.207**	.060	-0.040	.182**	.058	.162*	.140*	-.154*	-.011		
14	Пол				.000	.100	.099	-.013	.091	.030	.061	.059	.020	-.051	-.229***	.065	.085	
Казахстан																		
1	Политический контроль/уважение	3.82	1.64	.800														
2	Государственная поддержка/независимость	4.13	1.55	.903	-.444**													
3	Либерализм/Консерватизм	3.50	1.70		.226**	-.083												
4	Левые/Правые	3.44	1.76		.018	.088	.196**											
5	Правый авторитаризм	3.99	1.00	.844	.051	-.097	.221**	.000										
6	Вера в опасный мир	4.23	1.36	.878	-.131*	.118	.021	-.097	.078	--								
7	Вера в конкурентный мир	3.45	1.18	.812	.031	.136*	-.089	.070	-.039	.155*								
8	Потребность в когнитивной завершенности	3.61	0.58	.700	.086	.040	.099	.070	.258**	.131*	.030							
9	Открытость опыту	3.33	0.49	.708	-.041	.067	-.032	-.146*	.081	-.014	-.039	-.081						
10	ОСД	2.76	0.94	.785	.034	.107	.097	.238**	-.015	-.079	.299**	-.002	-.243**					
11	Возраст	30.49	10.11		.070	-.189**	.288**	.112	.185**	-.090	-.237**	.182**	-.085	.033				
12	Образование	3.14	0.96		.007	.046	.099	.036	.015	-.082	.021	.128	-.013	.091	.306**			
13	Доход	3.29	1.03		.073	-.042	-.067	.047	-.050	-.059	.094	-.140*	.112	.013	-.139*	.040		
14	Пол				.048	.071	-.091	-.162*	.008	-.086	-.281**	.062	.021	-.126	.021	.115	-.019	

Исследование 2 направлено на изучение влияния напоминания о смерти на представления об идеальном государстве в странах постсоветского пространства. На данном этапе проводился онлайн-эксперимент в Украине, Казахстане и России. В разделе **Выборка** представлена информация о количестве участников: Казахстан (365), Украина (406) и Россия (475). В разделе **Процедура исследования** представлена информация о последовательности предъявления и содержании методик. Участникам предлагалось заполнить методику на представления об идеальном государстве. На основе представленной методики были выделены по две группы с высокими и низкими показателями по шкалам: сторонники политического контроля/уважения и государственной поддержки/независимости от государственной поддержки. Далее участникам случайным образом предлагалось ответить на вопросы, представляющие экспериментальное воздействие: группа 1 (стоматологическое лечение), группа 2 (личная смерть) и группа 3 (война) (Rosenblatt et al., 1989). После этого участникам предлагалось заполнить две методики: методику на завершение слов (Greenberg et al., 1994) и позитивные и негативные эмоции (Осин, 2012), и выполнить нейтральное задание в виде ребусов для активации дистальной защиты. Далее участники оценивали степень привлекательности и готовность поддержать на выборах политического деятеля с разными политическими программами, с предложениями политического уважения/контроля и государственной поддержки/независимости от государственной поддержки. В разделе **Результаты** представлены контроль экспериментального исследования и основной анализ данных (влияние напоминания о смерти, взаимодействие факторов напоминания о смерти, имеющихся взглядов и страны) (Таблица 2 и 3). Напоминание о личной смерти приводит к сдвигу в сторону политического контроля при оценке предпочтения политического деятеля с программой политического контроля/уважения среди сторонников политического контроля. Напоминание о военных действиях приводит к сдвигу в сторону политического контроля при оценке предпочтения политического деятеля с программой политического контроля/уважения среди сторонников политического уважения.

Таблица 2. Влияние напоминания о смерти на предпочтение и поддержку политического деятеля с программой политического контроля/уважения

Независимая переменная	Зависимая переменная	SS	df	MS	F	p	η^2
Страна	Предпочтение	8.54	2	4.27	1.61	.201	.003
	Поддержка	3.75	2	1.88	0.68	.508	.001
Напоминание о смерти	Предпочтение	23.09	2	11.55	4.34	.013	.007
	Поддержка	14.25	2	7.12	2.57	.077	.004
Политический контроль/уважение	Предпочтение	122.43	1	122.43	46.06	.000	.036
	Поддержка	105.70	1	105.70	38.15	.000	.030
Страна * Напоминание о смерти	Предпочтение	33.14	4	8.28	3.12	.015	.010
	Поддержка	13.47	4	3.37	1.22	.302	.004
Страна * Политический контроль/уважение	Предпочтение	21.33	2	10.66	4.01	.018	.006
	Поддержка	31.66	2	15.83	5.71	.003	.009
Напоминание о смерти *	Предпочтение	27.95	2	13.98	5.26	.005	.008
	Поддержка	13.33	2	6.66	2.41	.091	.004
Страна * Напоминание о смерти *	Предпочтение	7.47	4	1.87	0.70	.590	.002
	Поддержка	23.80	4	5.95	2.14	.073	.007
Ошибка	Предпочтение	3264.20	1228	2.66			
	Поддержка	3402.12	1228	2.77			

Таблица 3. Влияние напоминания о смерти на предпочтение и поддержку политического деятеля с программой государственной поддержки/независимости

Независимая переменная	Зависимая переменная	SS	df	MS	F	p	η^2
Страна	Предпочтение	357.55	2	178.77	52.41	.000	.079
	Поддержка	455.71	2	227.86	68.86	.000	.101
Напоминание о смерти	Предпочтение	7.34	2	3.67	1.08	.341	.002
	Поддержка	2.25	2	1.13	0.34	.712	.001
Государственная поддержка/независимость от государственной поддержки	Предпочтение	15.07	1	15.07	4.42	.036	.004
	Поддержка	27.64	1	27.64	8.35	.004	.007
Страна * Напоминание о смерти	Предпочтение	20.24	4	5.06	1.48	.205	.005
	Поддержка	20.65	4	5.16	1.56	.183	.005
Страна * Государственная поддержка/независимость от государственной поддержки	Предпочтение	23.99	2	12.00	3.52	.030	.006
	Поддержка	12.94	2	6.47	1.96	.142	.003
Напоминание о смерти * Государственная поддержка/независимость от государственной поддержки	Предпочтение	2.47	2	1.24	0.36	.696	.001
	Поддержка	13.92	2	6.96	2.10	.122	.003
Страна * Напоминание о смерти *	Предпочтение	23.86	4	5.97	1.75	.137	.006
	Поддержка	31.89	4	7.97	2.41	.048	.008
Ошибка	Предпочтение	4188.50	1228	3.41			
	Поддержка	4063.56	1228	3.31			

При изучении роли напоминания о смерти отмечается культурная специфика. В Казахстане актуализация мыслей о смерти приводит к «консервативному сдвигу» при оценке политического основания (политический контроль/уважение) ($F(2, 362) = 5.50, p = .004, \eta^2 = .029$), в то время как в Украине – «либеральному сдвигу» ($F(2, 403) = 7.36, p = .001, \eta^2 = .067$) в оценке экономического основания (государственная поддержка/независимость).

В разделе **Обсуждение результатов** рассматривается роль напоминания о смерти в перспективе гипотез «консервативного сдвига» и «поляризации культурного мировоззрения», ориентации на контроль с учетом ограничений исследования.

В разделе **Заключение** представлены основные выводы, которые были сделаны на основе проведенных исследований, среди которых:

1. Политические представления выступают важным элементом культурного мировоззрения, и рассматриваются как совокупность аттитюдов, верований и ценностей, которые определяют «желательное» устройство общества и средства для его достижения (Jost et al., 2003). В международных исследованиях при изучении политических представлений исследователи обращаются к идеологическим континуумам «левые/правые» и «либералы/консерваторы». Проблема использования представленных категорий в качестве единого основания заключается в рассогласованных позициях в разных сферах общественной жизни (социальной/политической и экономической) (Stimson, 2004). В настоящее время особую популярность приобретает фокус на изучение политических представлений как многомерного конструкта (Malka et al., 2014).

2. В странах постсоветского пространства категории «консерватизма/либерализма» и «правых/левых» взглядов не находят соответствующего выражения в политическом дискурсе (Caprara et al., 2017). В рамках исследования было получено, что представления об идеальном государстве включают основания политического уважения/контроля (приоритет граждан/государства в принятии политических решений) и государственной поддержки/независимости от государственной поддержки (помощь

государства/самостоятельность граждан). Представленная структура политических представлений находит выражение в Украине, России и Казахстане.

3. Представления об идеальном государстве в странах постсоветского пространства, как и в западных исследованиях, связаны с психологическими факторами (Feldman, 2013; Jost, 2019). Представления о политическом уважении/контроле и государственной поддержке/независимости от государственной поддержки связаны с эпистемическими потребностями (открытость опыту, потребность в когнитивной завершенности), экзистенциальными потребностями (вера в опасный и конкурентный мир) и идеологическими predispositionами (правый авторитаризм, ориентация на социальное доминирование).

4. На представления об идеальном государстве оказывает влияние напоминание о смерти. При изучении влияния напоминания о смерти на политические представления исследователи обращаются к двум теориям - теории консерватизма как мотивированного социального познания (гипотеза «консервативного сдвига») и теории управления страхом смерти (гипотеза «поляризации культурного мировоззрения») (Burke et al., 2013). Существующие противоречия в исследованиях и теоретических положениях рассматриваются через представленность разных угроз: коллективная угроза (военные действия, теракты) приводит к «консервативному сдвигу», личный страх смерти – к «поляризации культурного мировоззрения» (Jost et al., 2017; Landau et al., 2004).

5. В рамках настоящего исследования, проведенного в России, Казахстане и Украине, было получено, что напоминание о личной смерти приводит к «поляризации» политического контроля среди сторонников политического контроля, в то время как напоминание о войне – к сдвигу в сторону «контроля» среди сторонников политического уважения. Однако влияние напоминания о смерти на представления об идеальном государстве зависит от культурного контекста, что может выступать свидетельством «актуальности» разных вопросов (политическая или экономическая повестка) в рассматриваемых странах.

Список литературы

1. Гулевич О. А., Агадуллина Е. Р., Хухлаев О. Е. Одобрение групповой иерархии: русскоязычная версия шкалы для измерения ориентации на социальное доминирование // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – Т.15. – № 3. – С. 407–426. DOI: 10.17323/1813-8918-2018-3-407-426.
2. Гулевич О.А., Анিকেенок О.А., Безменова И.К. Социальные верования: адаптация методик Дж.Даккита // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т.11. – № 2. – С.68–89.
3. Летняков Д.Э. Политико-идеологические тренды постсоветских обществ: попытка обобщения // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 1. – С. 129–142.
4. Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Полис. Политические исследования. – 2007. – № 1. – С. 6–21. DOI: 10.17976/jpps/2007.01.02.
5. Осин Е.Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2012. – Т. 9. – № 4. – С. 91–110.
6. Отчет по проекту «Идеальная Россия. Представь!» [Электронный ресурс] URL: https://openopinion.ru/ideal_russia_imagine. (Дата обращения: 25.05.2021)
7. Пантин В. И. Идеологические основы Евразийской экономической интеграции// Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2022. – №1. – С.17–29
8. Черткова Ю.Д., Егорова М.С., Фоминых А.Я., Алексеева О.С. Авторитарность в структуре личностных черт [Электронный ресурс] // Психологические исследования. – 2017. – Т.10. – №52. – С.11. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n52/1410-chertkova52.html> (Дата обращения: 25.05.2021)

9. Шестопал Е.Б. Образы будущего в сознании российского общества как фактор политического развития // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. – 2016. – № 2. – С.7–20.
10. Щебетенко С.А. Рефлексивные адаптации характера в пятифакторной теории личности // Психологический журнал. – 2015. – Т. 36. – № 6. – С. 74–84.
11. Эргашев Б., Сеитов А. Молодежь Центральной Азии. Узбекистан. На основе социологического опроса / Под научным руководством Клауса Хурельмана и Пэра Тешендорфа (Германия, Берлин). – Алматы. – 2016. – 280 с.
12. Adorno T.W., Frenkel-Brunswick E., Levinson D.J., Sanford R.N. The authoritarian personality. New York: Harper. – 1950. DOI: 10.4135/9781446220986.n8
13. Altemeyer B. The Other “Authoritarian Personality” // Advances in Experimental Social Psychology. – 1998. – Vol. 30. – P. 47–92. DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60382-2
14. Anson J., Pyszczynski T., Solomon S., Greenberg J. Political ideology in the 21st century: A terror management perspective on maintenance and change of the status quo // Social and psychological bases of ideology and system justification. – New York: Oxford University Press. – 2009. – P.210–240. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195320916.003.009
15. Aspelund A., Lindeman M., Verkasalo M. Political Conservatism and Left—Right Orientation in 28 Eastern and Western European Countries // Political Psychology. – 2013. – Vol. 34. – №3. – P. 409–417.
16. Azevedo F., Jost J.T., Rothmund T., Sterling J. Neoliberal ideology and the justification of inequality in capitalist societies: Why social and economic dimensions of ideology are intertwined // Journal of Social Issues. – 2019. – Vol. 75. – №1. – P. 49–88. DOI: 10.1111/josi.12310.
17. Bobbio N. Left and right: The significance of a political distinction. – Cambridge, UK: Polity Press. – 1996.
18. Brandt M.J., Reyna C., Chambers J.R., Crawford J.T., Wetherell G. A. The ideological-conflict hypothesis: Intolerance among both liberals and conservatives.

Current Directions in Psychological Science. – 2014. – Vol. 23. – №1. – P. 27–34. DOI: 10.1177/0963721413510932.

19. Burke B.L., Kosloff S., Landau M.J. Death goes to the polls: A meta-analysis of mortality salience effects on political attitudes // *Political Psychology*. – 2013. – Vol.34. – P. 183–200. DOI: 10.1111/pops.12005.

20. Caprara G.V., Schwartz S., Capanna C., Vecchione M., Barbaranelli C. Personality and Politics: Values, Traits, and Political Choice // *Political Psychology*. – 2006. – Vol. 27. – № 1. – P. 1–28. DOI:10.1111/j.1467-9221.2006.00447.x.

21. Caprara G. V., Vecchione M., Schwartz S., Schoen H., Bain P., Silvester J., Cieciuch J., Pavlopoulos V., Bianchi C. Basic values, ideological self-placement, and voting: A cross-cultural study // *Cross-Cultural Research*. – 2017. – Vol. 51. – P. 388–411.

22. Carmines E. G., Ensley M. J., Wagner M. W. Who Fits the Left-Right Divide? Partisan Polarization in the American Electorate // *American Behavioral Scientist*. – 2012. – Vol.56. – №12. – P. 1631–1653. DOI: 10.1177/0002764212463353

23. Crawford J. Are conservatives more sensitive to threat than liberals? It depends on how we define threat and conservatism // *Social Cognition*. – 2017. – Vol.35. – P. 354–373. DOI: 10.1521/soco.2017.35.4.354

24. Crowson H.M. Are all conservatives alike? A study of the psychological correlates of cultural and economic conservatism // *The Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied*. – 2009a. – Vol.143. – №5. – P. 449–463. DOI: 10.3200/JRL.143.5.449-463.

25. Democracy Index. – 2021. URL: https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2021/?utm_source=economist&utm_medium=daily_chart&utm_campaign=democracy-index-2021 (Accepted 18.06.2022)

26. Duckitt J., Wagner C.U., Plessis I., Birum I. The psychological bases of ideology and prejudice: Testing a dual process model // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2002. – Vol. 83. – P. 75–93.

27. Economic Freedom Index. – 2022. URL: <https://www.heritage.org/index/>(Accepted 10.05.2022)
28. Enyedi Z., Todosijević B. Organization of mass political attitudes in Hungary // Polish Psychological Bulletin. – 2003. – Vol. 33. – №1. – P.15–26.
29. Everett J.A. The 12 item social and economic conservatism scale (SECS) // PLoS ONE. – 2013. – Vol. 8. – P. e82131. DOI: 10.1371/journal.pone.0082131
30. Federico C.M., Hunt C.V., Ergun D. Political expertise, social worldviews, and ideology: Translating “competitive jungles” and “dangerous worlds” into ideological reality // Social Justice Research. – 2009. – Vol.22. – P. 259–279. DOI: 10.1007/s11211-009-0097-0.
31. Feldman S. Political ideology // The Oxford handbook of political psychology. – Oxford University Press. – 2013. – P. 591–626.
32. Feldman S. Values, ideology, and the structure of political attitudes // Oxford handbook of political psychology. – New York: Oxford University Press. – 2003. – P. 477–508.
33. Feldman S., Johnston C. Understanding the determinants of political ideology: Implications of structural complexity // Political Psychology. – 2014. – Vol. 35. – P. 337–358. DOI: 10.1111/pops.12055
34. Gerber A.S., Huber G.A., Doherty D., Dowling C.M. The Big Five Personality Traits in the Political Arena // Annual Review of Political Science. – 2011. – Vol. 14. – №1. – P. 265–287. DOI:10.1146/annurev-polisci-051010-111659.
35. Graham J., Haidt J., Nosek B.A. Liberals and conservatives use different sets of moral foundations // Journal of Personality and Social Psychology. – 2009. – Vol. 96. – P. 1029–46. DOI: 10.1037/a0015141.
36. Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S., Simon L., Breus M. Role of consciousness and accessibility of death-related thoughts in mortality salience effects // Journal of Personality and Social Psychology. – 1994. – Vol.67. – P. 627–637. DOI: 10.1037/0022-3514.67.4.627.
37. Greenberg J., Schimel J., Martens A., Solomon S., Pyszczynski T. Sympathy for the devil: Evidence that reminding Whites of their mortality promotes more favorable

reactions to White racists // *Motivation and Emotion*. – 2001. – Vol.25. – P.113–133.
DOI: 10.1023/A:1010613909207

38. Greenberg J., Simon L., Pyszczynski T., Solomon S., Chatel D. Terror management and tolerance: Does mortality salience always intensify negative reactions to others who threaten one's worldview? // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1992. – Vol.63. – P.212–220. DOI: 10.1037//0022–3514.63.2.212.

39. Greenberg J., Solomon S., Pyszczynski T. Terror management theory of self-esteem and cultural worldviews: Empirical assessments and conceptual refinements // *Advances in Experimental Social Psychology*. – 1997. – Vol.29. – P. 61–139.
DOI: 10.1016/S0065-2601(08)60016-7

40. Habibov N. Who wants to redistribute? An analysis of 14 post-Soviet nations// *Social Policy and Administration*. – 2013. – Vol. 47. – №3. – P. 262–286.

41. Harmon-Jones E., Simon L., Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S., McGregor H. Terror management theory and self-esteem: Evidence that increased self-esteem reduces mortality salience effects // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1997. – Vol.72. – P.24–36. DOI: 10.1037/0022-3514.72.1.24.

42. Henningham J. A. 12-item scale of social conservatism // *Personality and Individual Differences*. – 1996. – Vol. 20. – P. 517–519.

43. Hirschberger G., Pyszczynski T., Ein-Dor T., et al. Fear of death amplifies retributive justice motivations and encourages political violence // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. – 2016. – Vol.22. – P.67–74. DOI: 10.1037/pac0000129.

44. Janoff-Bulman R. To provide or protect: Motivational bases of political liberalism and conservatism // *Psychological Inquiry*. – 2009. – Vol. 20. – P.120 –128.
DOI: 10.1080/10478400903028581

45. John O.P., Donahue E.M., Kentle R.L. *The Big Five Inventory--Versions 4a and 54*. – Berkeley, CA: University of California, Berkeley, Institute of Personality and Social Research. – 1991.

46. John O.P., Naumann L.P., Soto C.J. Paradigm shift to the integrative Big Five trait taxonomy: history, measurement, and conceptual issues // *Handbook of Personality: Theory and Research*. – Guilford Press, New York. – 2008. – P.114–58.

47. Jost J.T. Ideological asymmetries and the essence of political psychology // *Political Psychology*. – 2017. – Vol. 38. – P. 167–208. DOI: 10.1111/pops.12407
48. Jost J.T. *Left and Right. The Psychological Significance of a Political Distinction*. – Oxford: University Press. – 2021.
49. Jost J.T., Federico C.M., Napier J.L. Political ideology: its structure, functions, and elective affinities // *Annual Review of Psychology*. – 2009. – Vol.60. – P.307–337. DOI: 10.1146/annurev.psych.60.110707.163600.
50. Jost J.T., Glaser J., Kruglanski A.W., Sulloway F.J. Political conservatism as motivated social cognition // *Psychological Bulletin*. – 2003. – Vol. 123. – №3. – P. 339–375. DOI: 10.1037/0033-2909.129.3.339.
51. Jost J.T., Langer M., Badaan V., Azevedo F., Etchezahar E., Ungaretti J., Hennes E.P. Ideology and the limits of self-interest: System justification motivation and conservative advantages in mass politics // *Translational Issues in Psychological Science*. – 2017. – Vol. 3. – №3. – P.1–26. DOI: 10.1037/tps00 00127.
52. Jost J. T., Sterling J., Stern C. Getting closure on conservatism, or the politics of epistemic and existential motivation // *The motivation-cognition interface*. – New York, NY: Routledge. – 2018. – P. 56–87.
53. Kerlinger F. N. *Liberalism and Conservatism: The Nature and Structure of Social Attitudes*. Routledge. – 1984.
54. Kim K. R., Kang J. S., Yun S. Moral intuitions and political orientation: Similarities and differences between South Korea and the United States// *Psychological Reports*. – 2012. – Vol.111. – №1. – P. 173–185. DOI: 10.2466/17.09.21.PR0.111.4.173-185
55. Knight K. Transformations of the concept of ideology in the twentieth century // *American Political Science Review*. – 2006. – Vol.100. – P. 619–26.
56. Kosloff S., Landau M.J., Burke B. Terror management and politics: Comparing and integrating the “conservative shift” and “Political Worldview Defense” hypotheses // *Denying death: An interdisciplinary approach to terror management theory*. – Routledge/Taylor & Francis. – 2016. – P.28–46. DOI: 10.4324/978131564139.

57. Kruglanski A.W., Pierro A., Mannetti L., De Grada E. Groups as epistemic providers: Need for closure and the unfolding of group-centrism // *Psychological Review*. – 2006. – Vol. 113. – P. 84–100. DOI: 10.1037/0033-295X.113.1.84
58. Landau M.J., Johns M., Greenberg J., Pyszczynski, T., Solomon S., Martens A.A. Function of form: Terror management and structuring of the social world // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2004. – Vol. 87. – P.190–210. DOI: 10.1037/0022-3514.87.2.190.
59. Lombardozzi L. Can distortions in agriculture support structural transformation? The case of Uzbekistan // *Post-Communist Economies*. – 2019. – Vol. 31. – №1. – P. 52–74. DOI: 10.1080/14631377.2018.1458486
60. Malka A., Soto C.J., Inzlicht M., Lelkes Y. Do needs for security and certainty predict cultural and economic conservatism? A cross-national analysis // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2014. – Vol. 106. – P.1031–1051. DOI: 10.1037/a0036170.
61. Menzies R. E., Dar-Nimrod I. Death anxiety and its relationship with obsessive-compulsive disorder // *Journal of Abnormal Psychology*. – 2017. Vol. 126. – №4. – P. 367–377. DOI: 10.1037/abn0000263
62. Morgan G.S., Skitka L.J., Wisneski D.C. Political ideology is contextually variable and flexible rather than fixed // *The Behavioral and Brain Sciences*. – 2014. – Vol. 37. – №3. – P. 321–322. DOI: 10.1017/S0140525X13002665.
63. Nail P., McGregor I., Drinkwater A.E., Steele G., Thompson A.W. Threat causes liberals to think like conservatives // *Journal of Experimental Social Psychology*. – 2009. – Vol.45. – P. 901– 907. DOI:10.1016/j.jesp.2009.04.013.
64. Onraet E., Van Hiel A., Roets A., Cornelis I. The closed mind: “Experience” and “cognition” aspects of openness to experience and need for closure as psychological bases for right-wing attitudes // *European Journal of Personality*. – 2011. – Vol. 25. – P. 184–197. DOI: 10.1002/per.775.
65. Osborne D., Sibley C.G. Does openness to experience predict changes in conservatism? A nine-wave longitudinal investigation into the personality roots to

ideology // Journal of Research in Personality. – 2020. – Vol.87. DOI: 10.1016/j.jrp.2020.103979.

66. Otjes S. What's Left of the Left–Right Dimension? Why the Economic Policy Positions of Europeans Do Not Fit the Left–Right Dimension // Social Indicators Research. – 2018. – Vol.136. – №2. – P.645–662. DOI: 10.1007/s11205-017-1575-7

67. Pan J., Xu Y. China's ideological spectrum // The Journal of Politics. – 2018. – Vol.80. – №1. – P. 254–273. DOI: 10.1086/694255

68. Pereira C., Medeiros A., Bertholini F. Fear of death and polarization: Political consequences of the covid-19 pandemic // Revista de Administracao Publica. – 2020. – Vol.54. – №4. – P. 952–968. DOI: 10.1590/0034-761220200327x

69. Piurko Y., Schwartz S.H., Davidov E. Basic Personal Values and the Meaning of Left-Right Political Orientations in 20 Countries // Political Psychology. – 2011. – Vol.32. – №4. – P. 537–561. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2011.00828.x.

70. Pratto F., Sidanius J., Stallworth L.M., Malle B.F. Social dominance orientation: A personality variable predicting social and political attitudes // Journal of Personality and Social Psychology – 1994. – Vol.67. – №4. – P. 741–763. DOI: 10.1037/0022-3514.67.4.741.

71. Prusova I., Gulevich O. The effect of mortality salience on the attitudes toward state control: The case of Russia // International Journal of Psychology. – 2020. – Vol. 55. – № 2. – P.305–314. DOI: 10.1002/ijop.12571

72. Pyszczynski T., Abdollahi A., Solomon S., Greenberg J., Cohen F., Weise D. Mortality salience, martyrdom, and military might: The Great Satan versus the Axis of Evil // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2006. – Vol. 32. – P. 525–537. DOI: 10.1177/0146167205282157.

73. Pyszczynski T., Lockett M., Greenberg J., Solomon S. Terror Management Theory and the COVID-19 Pandemic // Journal of Humanistic Psychology. – 2021. – Vol.61. – №2. – P.173–189. DOI: 10.1177/0022167820959488

74. Roets A., Au E. W., Van Hiel A. Can authoritarianism lead to greater liking of out-groups? The intriguing case of Singapore // Psychological Science. – 2015. – Vol.26. – №12. – P. 1972–1974.

75. Roets A., Van Hiel A. Need for closure relations with authoritarianism, conservative beliefs, and racism: The impact of urgency and permanence tendencies // *Psychologica Belgica*. – 2006. – Vol. 46. – P. 235–252. DOI: 10.5334/pb-46-3-235.
76. Roets A., Van Hiel A. Item selection and validation of a brief, 15-item version of the Need for Closure Scale // *Personality and Individual Differences*. – 2011. – Vol.50. – №1. – P. 90–94. DOI: 10.1016/j.paid.2010.09.004
77. Rokeach M. *The Open and Closed Mind*. – Oxford, England: Basic Books. – 1960.
78. Rosenblatt A., Greenberg J., Solomon S., Pyszczynski T., Lyon D. Evidence for terror management theory: I The effects of mortality salience on reactions to those who violate or uphold cultural values // *Journal of Personality and Social Psychology*. – 1989. – Vol.57. – P. 681–690. DOI: 10.1037/0022-3514.57.4.681.
79. Schoen Ha., Schumann S. Personality Traits, Partisan Attitudes, and Voting Behavior. Evidence from Germany // *Political Psychology*. – 2007. – Vol. 28. – № 4. – P. 471–498. DOI:10.1111/j.1467-9221.2007.00582.x.
80. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social psychology*. – New York: Academic Press. – 1992. – Vol.25. – P. 1–65.
81. Schwartz S.H., Caprara G.V., Vecchione M. Basic personal values, core political values, and voting: A longitudinal analysis // *Political Psychology*. – 2010. – Vol. 31. – P. 421–452. DOI: 10.1111/j.1467-9221.2010.00764.x
82. Shook N.J., Ford C.G., Boggs S.T. Dangerous worldview: A mediator of the relation between disgust sensitivity and social conservatism // *Personality and Individual Differences*. – 2017. – Vol. 119. – P. 252–261. DOI: 10.1016/j.paid.2017.07.027.
83. Social Progress Index. 2019. [Electronic source]. URL: [//https://www.socialprogress.org/](https://www.socialprogress.org/) (Accepted 18.06. 2020).
84. Solomon S., Greenberg J., Pyszczynski T. Terror management theory of self-esteem // *Handbook of social and clinical psychology: The health perspective*. – New York, NY: Pergamon. – 1991. – P. 21–40.

85. Stankov L. Conservative syndrome: Individual and cross-cultural differences // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – 2017. – Vol. 48. – P. 1–11. DOI: 10.1177/0022022117709984.
86. Stenner K. *The authoritarian dynamic*. – New York, NY: Cambridge University Press. – 2005.
87. Sterling J., Jost J.T., Pennycook G. Are neoliberals more susceptible to bullshit? // *Judgment & Decision Making*. – 2016. – Vol. 11. – P. 352–360.
88. Stimson J. A. *Tides of consent: How public opinion shapes American politics*. – Cambridge University Press. – 2004.
89. Thorisdottir H., Jost J.T., Liviatan I., ShROUT P.E. Psychological needs and values underlying left-right political orientation: Cross-national evidence from Eastern and Western Europe // *Public Opinion Quarterly*. – 2007. – Vol. 71. – №2. – P. 175–203. DOI:10.1093/poq/nfm008
90. Van Hiel A., Onraet E., De Pauw S. The relationship between social-cultural attitudes and behavioral measures of cognitive style: A meta-analytic integration of studies // *Journal of Personality*. – 2010. – Vol.78. – P.1765–1800. DOI: 10.1111/j.1467-6494.2010.00669.x
91. World Bank Dataset. – 2022. URL: <https://data.worldbank.org> (Accepted 10.05.2022)
92. Wright J. C., Baril G. Understanding the role of dispositional and situational threat sensitivity in our moral judgments // *Journal of Moral Education*. – 2013. – Vol.42. – P. 383–397. DOI: 10.1080/03057240.2013.820659